

Александр Житинский
Дневник massolit'a

Онлайн-дневники 2001—2012 гг.

Александр Николаевич Житинский Дневник masscolit'a. Онлайн- дневники 2001–2012 гг.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21376617

Александр Житинский. Дневник masscolit'a. Онлайн-дневники 2001–2012
гг.: Геликон Плюс; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-00098-027-9

Аннотация

Александр Житинский провел на земле 71 год и 5 дней, оставаясь неизменно молодым, веселым и добрым. Он был писатель. Из самых-самых талантливых в Петербурге. В России. В наше время. А еще он был лирический поэт. Настоящий. Умелый и удачливый сценарист. Неутомимый издатель. Работал, как жил, – быстро. Спеша в будущее. С которым у Александра Николаевича был какой-то необъяснимый постоянный контакт, похожий на дар предвидения. *Самуил Лурье* Он был трудоголик и жизнелюб. Он в совершенстве познал сокрушительную силу смешного и лучше многих и многих понимал бесконечно печальное «над вымыслом слезами обольюсь». Он был мастер. Он умел в литературе все. И как же много умел он вообще в жизни! Организатор литературно-издательского процесса, и еще – меломан-профессионал, самый крутой из рок-дилетантов, и еще – вот странно – абориген Интернета... Он был человеком

РЕДКИМ! *Борис Стругацкий* И рок, и интернет были для него не только возможностью поменять работу и жизнь, сбросить старую кожу («Люблю заниматься деятельностью, для которой я не предназначен»), но и шансом на то самое коллективное, радостное, всеобщее преобразование жизни, которым заняты любимые герои его романов. *Дмитрий Быков*

Содержание

2001	8
Привет всем!	8
Между прочим	9
Письмо кандидату в члены ЛИТО	10
Авторы Самиздата	13
Эстония	14
Вчера были гости	15
Мушкин	16
Автор и текст	18
Отпуск	20
Каких покемонов рисует Горчев!	21
Масса и дети в одном флаконе	22
19 августа	25
Прощание с покемонами	27
Хакер	29
Привет, Ольчик!	30
Отец	32
Букша	35
Слава богу!	37
What about?	39
Володин	42
Самый тупой Новый год	45
Свежая мысль	47

Вымащиваю благими намерениями дорогу в новый год	48
Прогулка по Москве	49
2002	50
Сегодня	50
Неожиданная развязка	51
Кровожадность	52
Новая филология	53
Граждане с гражданки	54
Отвязались граждане с гражданки	55
Полку прибыло	57
Информация к собственному размышлению	58
Что случилось в 1972 году?	60
Старые пленки	61
Ольшанскому	63
Репетиция записи	64
Сон	65
Грустно, френды...	66
Фантазии старого бонвивана	67
ФСБ (2)	69
Пояснение к тексту ФСБ	73
ФСБ (3)	75
ФСБ (4)	77
ФСБ (5)	81
ФСБ-отступление	85
ФСБ (6)	87

ФСБ (7)	90
ФСБ (8) – отступление	92
ФСБ (9)	95
Вопросы	98
Объявление	99
Семь бед – один ответ	100
Самотек	101
ФСБ (10)	102
Почему я не люблю фэнтези?	109
Еще раз о мыльных пузырях	110
Концерт БГ в Юбилейном	112
Секрет прост, оказывается	113
Позвонил Горчев	114
«Геликон» уже обворовывали	115
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Александр Житинский
Дневник massolit'a.
Онлайн-дневники
2001–2012 гг

© А. Житинский (наследники), 2016

© «Геликон Плюс», оформление, 2016

2001

Привет всем!
9 апреля

По наводке Лабаса открыл журнал, провел испытания.
С Богом!

К сожалению, оба ника – масса и massa – оказались занятыми, пришлось воспользоваться берлиозовским Массоли-
ТОМ...

Между прочим 10 апреля

Между прочим, идея онлайн-дневника возникла у меня в 1997 году, когда я строил свою страницу. Там был предусмотрен такой раздел.

Первая запись появилась 13 мая 1997 года, практически ровно 4 года назад, и несколько месяцев я поддерживал этот раздел.

Потом забросил, конечно, но все это еще висит...

Письмо кандидату в члены ЛИТО

10 апреля

«Как стать членом Вашего объединения?
Могу ли я это сделать?».

Дорогой N!

Стать членом нашего объединения очень просто. Нет ничего проще, чем стать членом нашего объединения.

Для этого Вы ничего не должны делать – ни писать, ни читать, ни даже быть подключенным к Интернету. Достаточно считать себя членом нашего объединения. Это первая стадия.

Запомните: нужно себя им считать, без этого трудно.

Если Вы свыклись с мыслью, что Вы – член ЛИТО, Вы можете подключиться к Интернету и зайти в Беседку по адресу <http://www.lito.spb.ru/frfree.html>, чтобы насладиться литературной беседой.

Если Вы и после этого найдете в себе силы считать себя членом ЛИТО, можно сделать следующий шаг, а именно отправить секретарю Горчеву свои сочинения (если Вы их, конечно, пишете, что совсем не обязательно).

Возможно, Горчев вывесит их, если ему напомнить раз 5–6, но это тоже не строго. Упаси Бог обращаться к т. н. МАС-СЕ, числящемуся руководителем этого объединения. Мало

того что он давно ничего не решает, но такое обращение может подвигнуть его на какие-нибудь дурацкие шаги. Например, он может прочитать первые две страницы Вашего сочинения и расплакаться прилюдно. От чего – Бог его знает.

Однако если Вы – молодая женщина, лучше сразу обратиться именно к МАССЕ, тогда есть шанс, что он Вас примет вне очереди, сразу, поспешно и с восторгом.

Только не посылайте ему романов. Лучше стихи. На ночь. Но вот Вас наконец вывесили, и Вы сидите в своей гестбуке и ждете критиков. Не исключено, что этот инкубационный период может продлиться три-пять месяцев, но не больше года. Если к Вам зайдут критики, пишущие себя с маленькой буквы, не обращайтесь на них внимания. Это разведчики. Вас прощупывают. Ждите крупную рыбу.

Крупных рыб здесь две. Одна живет в Москве, другая в Бостоне. Отличаются они тем, что если одной Ваша рукопись понравится, то другая съест Вас с потрохами и даст другой в харю. Если же Ваши творения понравятся другой рыбе, то еще хуже. Первая просто определит Вас в мерзавцы.

Если после всего этого Вы все еще считаете себя членом объединения, значит, Вы прошли проверку на вшивость и можете подавать заявление на включение себя в список участников.

Конечно, Вам скажут, что он давно закрыт, что ЛИТО распущено, расформировано, но Вы не верьте, продолжайте надоедать МАССЕ, а он будет надоедать Горчеву. Если у всех

хватит терпения, Вы попадете в список.

Но учтите – это уже навсегда. Обратного хода нет. Подумайте.

Подумайте вдвойне, если Вы армянин, грек, еврей, чухонец или калмык, друг степей. Потом будет поздно.

А вообще милости просим!

Авторы Самиздата

12 апреля

Замечательные встречаются авторы. Я от них балдею.

Приходит один, здоровый лось с бородой, развязен. Поэт типа, режиссер, хуе-мое. Хочет издать книжку тиражом 50 экземпляров.

В книжке одна пьеска в стихах, абсолютно бредовая, называется «Философия любви», и штук 8 газетных статей о нем в разные годы. Газеты полуистлевшие.

Плюс несколько фотографий с известными людьми типа Андрона Кончаловского или Собчака.

– Хорошо, – говорю. – Чудесная книга.

– А можно, – говорит, – чтобы книги были в разных обложках?

– Как это? – спрашиваю.

– Ну вот штук 20 в одной обложке, штук 20 в другой, а 10 – в третьей.

– Не принято, – говорю.

– Ну вот у вас же, я видел, – все обложки разные...

– Это разные книги! – ору практически.

– Ну и что? У меня это будет такой прием. Театральный, знаете...

Эстония

10 мая

Автобус, О'Санчес, погранцы, мост, Нарва, Диана, Крупский, пиво, вино сухое, сухое, сухое, ночь, книги, вино сухое, ночь, автобус, Таллин, первый эстонец, hostel, книги, дети, пиво, куриные крылышки, ночь, такси, Каллас, Веллер, водка, Дом офицеров, колонны, первый читатель, эстонцы, Stockmann, водка, ночь, Кадриорг, Певческое поле, эстонская девушка с потрясающим бюстом, пиво, бессонная ночь, тяжелые раздумья, автобус, сортир в автобусе, Тарту, библиотека, Лейбов, Крупский, Антик из Риги, виски, вино, виски, водка, сухое, общежитие, такси, утро, пиво, Лейбов, пиво, Ботанический сад, медведь-абстинент, пиво, слоны из цирка, пиво темное, второй читатель, эстонская девушка с потрясающим бюстом (другая), жизнь не удалась, пиво, автобус, Нарва, Диана, Крупский, чеснокодавилка для Горчева, автобус, погранцы, Ивангород, Россия... Пиво.

Вчера были гости

24 июня

Практически внезапно нагрянули olchik, serzh и iana. Все оказались родственниками. Пришла Саша, потенциальный юзер, а про внука Митьку не знаю – юзер он или нет.

Он вчера сдал экзамен по философии, что меня поразило. Не то, что сдал, а сам предмет. Ведь философию отменили.

По Каменноостровскому промчался Путин в окружении четверки гончих бронированных автомобилей. Менты стояли через 10 метров. С моего балкона удобно совершать теракты, я все время боюсь, что меня в этом заподозрят, поэтому на балкон не выхожу.

Мушкин

3 июля

Приходит человек и хочет издать брошюрку на 12 страниц. Там что-то насчет общественного строя. Типа его предложения России и Америке, как из капитализма и социализма сварганить что-нибудь приемлемое.

На вид Мушкину чуть поболее, чем мне, – лет 65–67. Он в изумлении от компьютера. Я говорю ему, что текст нужно набрать. Он интересуется, каким шрифтом, каким кеглем. Он это все знает еще со времен линотипа, хочет контролировать процесс.

Я говорю, что наберем текст, а верстать будем потом, каким он захочет шрифтом. Не понимает.

Ну не понимает он, как можно набрать текст без определенного начертания.

– Символы... – уныло объясняю я, видя всю бесперспективность этого занятия.

Тратим полчаса, остаемся при своих.

Наконец он решается отдать свой труд в наши руки и переходит ко второму вопросу.

Как поместить это в Интернете и сделать достоянием мировой общественности?

Я окончательно скисаю. Никакого времени не хватит.

Как-то изящно комкаю этот вопрос, перевожу стрелки,

потом Мушкин еще час бродит по редакции от компьютера к компьютеру, заглядывая в монитор через плечо редактора и поражаясь прогрессу. Где он был раньше?

Уходит.

Потом я думаю: а ведь фамилия отличается от Пушкина одной буквой.

Уверен, что Пушкин все понял бы с полуслова.

А Мушкин никогда не поймет.

Пушкин молоток еще и потому, что сделал смешную, нелепую, в сущности, фамилию благородной, исполненной высокого смысла. Переломил фамилию.

Есть хорошие писательские фамилии, настоящие, от Бога.

Тургенев, Гончаров, Набоков. Тут и писать не надо.

Или Пригов, Горчев, Меклина... Современники типа.

Пелевин. Ну так, на четыре с минусом.

А Пушкин – нет. Не от Бога. Хотя дворянская и т. д.

Автор и текст

3 июля

Наши диалоги с ММ наконец дошли до литературы.

Мы долго держались.

Я предполагал, что наши вкусы различны. Нет, они полярны. Примерно как наше расположение на глобусе.

ММ считает писателя Д. мериллом русской литературы. Я утверждаю, что он пишет расчетливый бред. Расчетливый бред отличается от натурального, как сухое молоко от коровьего. Натуральный бред пишет сейчас в прозе (да и в стихах) Соснора. У него мозги связались вот в такой узелок. Что ж, бывает.

У писателя Д. с мозгами все в порядке. Даже более того. Он просто позволяет тексту писать себя. Типа отключает свои мозги, свое рацио.

Это так же непродуктивно, как полностью управлять текстом, оставив только рациональную составляющую.

У автора и текста должны быть отношения партнерства, каждый должен быть готов к компромиссам. Тексту всегда хочется выкаблучиваться, Автору хочется его приструнить. В этой борьбе все и пишется.

Автору хочется, чтобы его поняли, а Тексту нет. Тексту наплевать. Ему нужно давать свободу, но не полную, иначе он заведет Автора в непонятки. В хороших книгах Автор с

Текстом играют обычно вничью.

Отпуск

5 июля

Завтра уйду в отпуск.

В воскресенье уезжаем на машине по маршруту Финляндия – Швеция семейством.

Попробую выйти из Швеции в Сеть. Когда-то мне это удалось с маленького острова в шхерах, где был телефон. Там, кстати, я изваял дизайн «Арт-Тенет-97», опираясь на Тему Лебедева:) и переговариваясь с olchik по аське.

Каких покемонов рисует Горчев!

5 июля

Прекрасных.

Я всю жизнь преклонялся перед людьми, умеющими изобразить в рисунке то, что они нафантазируют.

И совершенно искренне недоумевал, что многие не могут изобразить того же в слове.

Это так просто.

Масса и дети в одном флаконе

1 августа

Перед отъездом в отпуск удалось собрать вместе всех детей, что теперь бывает редко.

На этом снимке, сделанном во дворе моего дома можно увидеть:

Настю Житинскую (род. 1992 г.) – ученицу 3-го класса испанской гимназии в Санкт-Петербурге;

Сашу Житинскую (род. 1982 г.) – студентку 1-го курса Санкт-Петербургской консерватории по классу ф-но;

Сергея Житинского aka serzh (род. 1968) – топ-менеджера «России-онлайн» (только что переехал работать в Москву);

Ольгу Петрову aka olchik (род. 1962) – веб-дизайнера, живет и работает в Дармштадте (Германия).

19 августа

20 августа

Я в тот день находился в Дубултах, в писательском Доме творчества со своею молодой женой и пишущей машинкой «Эрика».

Утром мы бегали по пляжу – я от инфаркта, она за компанию, днем я пытался сочинять сценарий по мотивам булгаковских «Роковых яиц» (заказ режиссера Снежкина, у меня все дело происходило в современной перестроечной Москве), а вечером где-нибудь оттягивались.

К 19 августа я сочинил 19 страниц сценария и остановился на демонстрации по Садовому кольцу с ОМОНОм, дубинками и тогдашними лозунгами. Не помню, зачем там была нужна демонстрация. Для антуража, видимо.

Ну и утром нам объявили по телевизору.

Первое, что я сделал, – пошел в магазин и купил 8 бутылок портвейна «Агдам». Как выяснилось позже, их как раз хватило на путч, потом я поражался своей прозорливости. Но тогда рассудил, что со свободой слова неизвестно, но портвейн отменяет точно. Ну, и неприятно было смотреть «Лебединое озеро» всухомятку.

Пили мы с одним московским поэтом, из неизвестных. С бородой, как у Солженицына. Поэт был патриотического на-

правления, только в пучк и можно было с ним пить. Над нами летали вертолеты и сбрасывали какие-то листовки. Со-держания не помню.

Через три дня изрядно помятые, но уже трезвые, мы встретились в столовой.

– Как вы были правы! – воскликнул он.

– А в чем дело?

– Ну, помните, в первую ночь, уходя из моего номера, вы сказали: «Они не продержатся и трех дней!»

– Но продержались всё же... – возразил я.

Ничего этого я не помнил.

А на следующий день к огромному памятнику Ленина, что стоял неподалеку у шоссе, приехала машина с мужиками. Мужики резво отпилили пустотелую голову вождя и забрались к нему внутрь. Долго что-то выстукивали, высывались из Ленина, деловито переговаривались. Потом начали его резать дальше кольцами и увозить.

В тот же день я позвонил в Москву своему другу Андрюше Гаврилову, музыкальному издателю, спросить, как дела. И он сказал мне, что умер Майк.

Мы успели как раз на похороны.

А сценарий я так и не закончил. Не написал больше ни строчки. Снежкин много позже все же поставил фильм по «Роковым яйцам», кажется, без всяких новаций.

Прощание с покемонами

2 октября

dimkin опубликовал эссе под тем же названием.

Оно, к несчастью, оказалось пророческим.

Дело в том, что я еще весной начал сочинять Энциклопедию покемонов – сначала для моей младшей дочери, потом уже по заказу неких инвесторов, которые захотели это опубликовать и заработать. Заодно и заплатить автору. Отрывки я опубликовал в ЖЖ.

Я подговорил dimkin нарисовать к этим текстам оригинальные картинки, чтобы и текст, и картинки были, так сказать, копирайтными, нашего авторства. От японских покемонов там осталась, конечно, внешняя похожесть на оригиналы и их имена, транскрибированные на русский.

Я искренно считал, что это не воровство, все тексты мною выдуманы с ног до головы. Да и рисунков таких в природе не было.

Инвесторы издали первый выпуск Энциклопедии с 26 покемонами и рисунками dimkin. Мы гордо поставили там свои копирайты на текст и рисунки.

И тут оказалось, что мы вроде бы нарушаем авторские права. Во всяком случае, так мне сказали компетентные люди.

Шутки шутками, а вопрос серьезный. Можно попасть на

бабки, как говорили в старину.

Написано их у меня 206 штук, нарисовано художником около сотни. Мне жаль труда, в который я вложил знание о человечестве и повадки многих моих друзей и знакомых.

Хакер

3 ноября

Сижу вчера вечером за бутылкой «Саперави» в Сети. Аська включена.

Входит неизвестный, просит авторизовать. Ну пускаю его.

Ты, говорит, сменил бы пароль в аське, а то можешь заплатить своим красивым номером из 7 знаков. И вообще, у тебя диск нараспашку, там все можно прочитать.

Ну читай, говорю. Я всю жизнь пишу, чтоб меня читали.

Такая постановка вопроса сбила его с толку, разговорились.

Он даже на «вы» перешел.

Все спрашивал о том, про что я пишу.

– Про вас, идиотов, – отвечал я ему философски. – И про себя, идиота.

Короче, придет в понедельник ставить и настраивать мне firewall за книжку с автографом.

Он из Питера оказался.

Привет, Ольчик!

9 ноября

Ты просила рассказывать тебе о Застекле. Вчера я вновь посмотрел эту замечательную телевизионную трансляцию.

Вчера в Застекле была вечеринка. Наши хомячки веселились.

Увидел наконец, как моют в душе Марго. О!

Это отдельная песня, которую попытаюсь спеть слегка простуженным голосом.

А вообще вполне уже втянулся. Много раз замечал, что, если начинаешь заниматься какой-нибудь ерундой, да хоть собирать винные этикетки, это дело становится важным, значительным, интересным, обрастает теорией и философией.

Застекло интересно тем, что оно в какой-то степени аналог ЖЖ. Но не только этим.

Итак, Марго.

Собственно, первый профессиональный застекольщик. Или застекольщица.

Она, конечно, там самая умная, включая и мужиков. При этом достаточно цинична, что, вероятно, является следствием.

Она с самого начала правильно поняла свою задачу и ответственность перед народом. Народ хочет зрелищ, а не разговоров о Фройте, музыке, политике и даже сексе. Зрелище,

которое может дать Марго, – это ее тело. И она первая там пошла на стриптиз и исполнила его вполне приемлемо.

Ее поведение в душе потребовало от нее полной собранности. Партнер все же немного пускал слюни, на лице Марго не дрогнул ни один мускул. Просто не знаю, кто в ЖЖ мог бы так себя вести, когда тебя моет незнакомый практически мужчина под прицелом телекамер.

Я поставил Марго «пять». У нее есть вкус.

Вот Жанна полчаса выбирала ракурс, с которого меньше всего видно. Но там этих камер до черта, не спрячешься. Потом обреченно сняла трусы. Сдалась практически. Это ошибка. Вообще она излишне комплексует, не выдерживает конкуренции. Она думает, что народу интересен ее внутренний мир. Но это уже для мексиканских сериалов больше, до этого надо дорасти.

А сейчас пока душ.

Отец 15 ноября

Сегодня ДР моего отца Житинского Николая Степановича, генерал-лейтенанта авиации, кавалера орденов Ленина, 4 орденов Боевого Красного знамени и многих других орденов и медалей.

Сегодня ему исполнилось бы 92 года.

Он родился в Симферополе, как и я много позже, там до сих пор стоит двухэтажный дом семьи Житинских на улице генерала Попова, кажется.

В 1929 году, скрыв свое дворянское происхождение, стал военным летчиком, поступил в Качинскую летную школу под Севастополем.

В 1937 году, будучи уже лейтенантом, был арестован по ложному доносу и 2 года провел в тюрьме как враг народа.

В 1939 году был освобожден (известный отток из тюрем и лагерей, связанный с заменой Ежова на Берию), восстановлен в должности и в партии. Воевал на Северном флоте, обеспечивал прикрытие караванов союзников по лендлизу, бомбил норвежские базы, где базировались немецкие подлодки.

В 1949 году, в 39 лет, получил звание генерала.

После войны служил в Москве, в штабе авиации ВМФ, потом закончил Академию Генерального штаба с золотой медалью и был назначен на должность командующего авиацией Тихоокеанского флота. С 1954 по 1959 год занимал эту должность, в связи с чем мне пришлось закончить школу во Владивостоке.

Потом в связи с хрущевским сокращением армии оказался в Питере и занимал должность начальника кафедры военно-морской авиации в Высшей военно-морской академии до своей отставки в 1969 году.

Умер в 1975 году, не дожив до своего 66-летия, от третьего инфаркта.

Букша

23 ноября

Ксюша Букша принесла новый небольшой роман, который написала за последние два месяца.

Я продолжаю пребывать в полном изумлении.

Ее фантастико-исторический роман «Эрнст и Анна» вызвал в ЛИТО небольшую бурю. Потом она съездила на Всероссийский семинар молодых писателей, где была в семинаре Юзефовича и получила хорошие отзывы. «Эрнста» мы издали крошечным тиражом, будем допечатывать. И вот новая вещь «Вероятность». Прочитал, как и первую, в один присест, захлеб. Опять прибежал к жене, чтобы зачитывать отрывки вслух, чем вызывал, понятное дело, неудовольствие. Она привыкла верить своим глазам, а не моим восторгам, что тоже понятно.

Вспоминался «Понедельник» Стругацких, то есть это ближе всего, пожалуй.

При моей нынешней не очень большой любви к чтению – это случай уникальный. Не помню, чтобы когда-либо я так безоговорочно принимал молодого автора.

Мне нечего ей сказать по большому счету.

И страшновато – что она будет делать дальше?

Абсолютный слух на слово.

Абсолютный.

Издавать немедленно!

Слава богу!

27 ноября

ДУЭЛЬ (вспомнилось из старого)

Дошло до того, что он бросил в меня перчатку, но не попал.

Я поднял перчатку и протянул ему. Он взял перчатку двумя пальцами, как шелудивого котенка, сунул в карман, а пальцы вытер носовым платком.

– Значит, дуэль? – с удовольствием выговорил он, гордясь.

– Дуэль так дуэль, – пожал плечами я.

– Выбирайте оружие, – сказал он и набрал в легкие столько воздуха, что чуть не полетел.

– Телефон, – сказал я. – Мне удобнее всего телефон.

В назначенный час ко мне пришел секундант, я набрал номер, и дуэль началась. Первым стрелял он.

– Вы подлец, – сказал он.

– Совершенно с вами согласен, – сказал я.

– Не иронизируй, мерзавец! – закричал он.

– Вы зря теряете время, стреляя вхолостую, – заметил я. – Все это я уже давно знаю. Хотелось бы чего-нибудь новенького.

– Кретин! Бездарь! Негодяй! – выпалил он.

– Это лучше, но все еще слабо, – сказал я. – Напрягите воображение.

– Сволочь... – прохрипел он. – Стреляй, гад!

– Вы забыли сказать, что я подонок, гнусная тварь, алкоголик, баран, сукин сын, прохиндей, блюдолиз, лизоблюд, козел и дерьмо. В особенности – дерьмо.

В трубке наступило молчание, а потом испуганный голос его секунданта сообщил:

– Он убит...

– Жаль, – сказал я. – Это был чистый ангел, а не человек.

1971

What about?

9 декабря

Вот такой вот эбаут.

Целый день сегодня думаю, что бы такое написать о поездке в Москву, Тенетах и мыслях по этому поводу.

Мысли самые скверные, надо сказать. Совсем не по поводу церемонии, она могла быть лучше, в принципе, но Делицын сделал даже больше, чем позволяли ему силы и средства.

А скверные мысли по поводу бытования литературы в Сети.

Начну издалека. Когда 20 лет назад я начал ходить в рок-клуб, слушать музыку, встречаться с музыкантами и их окружением, писать об этом, культуртрегерствовать в нерóковой среде, меня прежде всего привлекала необычайная ЖИВОСТЬ этого явления. Сходное ощущение я получаю и здесь, участвуя в жизни т. н. сетевой литературы. Ибо это литература чрезвычайно ЖИВАЯ. И в ней, как и в музыкальной среде, есть немало способных и некоторое количество действительно талантливых людей.

Однако дальнейшее сравнение будет не в пользу литературы. Если рок-музыка была знаменем поколения, средством обозначить свою самостоятельность, средством протеста, в конце концов, то литература Интернета не стала знаменем

Интернета, не стала НАШЕЙ литературой для тех, кто полжизни проводит за компьютером.

Дело не в компьютерах, а в среде. Интернет-среда очень активна, интеллектуальна, молода. Она читает книжки! Читает книжки, да. Казалось бы, должна болеть за своих, за те книжки, которые написаны такими же, зачастую приятелями и друзьями. Но где они, команды фанов, толпы поклонниц, которые бросаются на каждую публикацию, книгу, выступление кумира? Не вижу я их. У БГ поклонницы ночевали на лестнице под его дверь. Я не к тому, что нужно идти ночевать на лестницу к Горчеву. Но почему на церемонии были практически только литераторы и несколько журналистов? Где читатели, те самые, которые в тот же вечер заполняли всевозможные «Пироги» и «Дрова», наслаждаясь интеллектуальной беседой?

Почему у сетевой литературы нет среды, кроме самих авторов?

Возможно, я задаю наивные вопросы. Но до тех пор, пока писатели не станут голосом этой молодой интеллектуальной толпы, ничего не случится. А хотелось бы. Потому что неужели не надоело обсасывать Пелевина, Пригова и Сорокина, когда рядом погибают в неизвестности известные весьма узкому кругу Горчев, Фцук, О'Санчес, Цунский и добрый десяток поэтов, которые заткнут за пояс любого офлайн-поэта?

Срочно нужен читатель! Срочно нужен критик! Писатели

у нас уже есть.

Володин

17 декабря

Умер Александр Моисеевич Володин.

Один из самых человечных писателей нашего времени.

Про него всегда и все говорили: какой милый и прекрасный человек. И несмотря на то что он был действительно большим писателем, человеческое в нем перевешивало. Редко про кого из литераторов так единодушно судят.

Мне посчастливилось с ним познакомиться лет тридцать назад в журнале «Аврора». Был какой-то редакционный вечерний междусобойчик, куда оказались втянутыми все находившиеся в редакции люди. Выпивали в кабинете главного. Я оказался рядом с незнакомым седым и хрупким человеком. Мы с ним чокались, улыбаясь, потом я спросил, как его зовут. Он ответил: Володин.

Ну, конечно, я тогда уже прекрасно знал, кто такой Володин.

Уже тогда он казался мне старым человеком, а было ему немного за пятьдесят.

Это было зимой. Мы вышли из «Авроры» вместе, и я сказал, что провожу его до дома. Так под ручку и пошли, потому что держась друг за друга нам было легче идти.

В троллейбусе нам встретились какие-то люди – парень и девушка. Они усиленно кланялись Володину, и он им тоже.

Я подумал, что это его знакомые.

Вышли из троллейбуса уже вчетвером, вошли в подъезд. Володин стал проявлять признаки беспокойства. Дошли до его дверей, и тут Александр Моисеевич, страшно смущаясь, как-то выдавил из себя: а вы, собственно, к кому? Кто вы, собственно?

Они тоже смутились и сказали, что просто вот хотели выразить ему свою любовь. И раскланявшись, удалились.

Мы вошли в квартиру на Большой Пушкарской, в одной из комнат которой стоял пинг-понговый стол. В квартире никого не было.

– Сейчас мы будем играть в пинг-понг, – объявил Володин.

И мы действительно взяли в руки ракетки и стали играть. То есть стали подавать по очереди, потому что никто из нас не мог попасть по шарикю после подачи. Тем не менее это нам очень нравилось, и мы смеялись.

Потом Володин сказал:

– Саша, вот в том шкафчике есть бутылка портвейна. Но его от меня запирает жена. Вы не смогли бы его открыть?

Я сказал, что нет ничего проще, – и открыл. Кажется, он не был даже заперт, потому что далось мне это чрезвычайно легко.

– Саша, вы гений! – провозгласил Володин, и мы стали пить портвейн, закусывая найденными в холодильнике котлетами.

Потом мы много раз встречались в разных местах: в Репино, в Союзе писателей, а последний раз на 80-летнем юбилее Александра Моисеевича. И каждый раз, встречаясь, он спрашивал:

– Помнишь, как мы играли в пинг-понг?

Я-то не забыл.

Удивительно, что он это помнил.

Мир его праху.

Самый тупой Новый год

December 24th

Это был новый 1960-й.

Мне вот-вот должно было исполниться 19 лет.

Я тогда учился в МАИ на радиотехническом, на 2-м курсе.

Не пил вообще ничего, потому что был Большой Спортсмен. То есть не очень большой. В масштабах института.

Девушки, как ни странно, тогда у меня не было. Я вообще тогда девственником был. Такие времена, френды...

Но и девушки платонической тоже не наблюдалось, поскольку та, которую я избрал, предпочла другого. Что тоже странно, признаюсь.

И был у меня друг Валерка, у которого, напротив, девушка имелась. Кажется, тоже платонически. Валерка позвал меня в какую-то компанию к этой девушке, а перед самым Новым годом, ну так часа за 4, девушка его обломала. Поссорились навеки.

И мы остались вдвоем в пустой трехкомнатной квартире моего отца, который в то время служил на Дальнем Востоке, а квартира бронировалась типа, поскольку он был Большой Начальник. Квартира была на Новопесчаной улице, близ метро «Сокол».

Тогда мы героически купили бутылку грузинского конья-

ка «три звездочки» и один лимон.

Мы решили упиться. Больше у нас не было ничего. Это не гипербола.

И, надо сказать, нам блестяще удалось упиться в полный хлам. Бутылка коньяка с лимоном вырубил нас обоих напроць, так что я еще лет пять после того не мог даже смотреть на коньяк. Потом привык понемногу.

Так начались шестидесятые.

Свежая мысль

27 декабря

Новый год практически неизбежен.

Еще вчера казалось, что можно как-то его обмануть, избежать всех этих церемоний и глупостей, пожеланий счастья, подарков и шампанского на морозе. Нет, не удастся. Значит, надо морально готовиться.

Итоги уходящего года.

Трудно было очень. Долги увеличились, за что особое спасибо покемонам.

Издали кучу текстов.

ЖЖ занял ведущее место среди интернет-игрушек.

Блин! За год так и не удосужился оформить пенсию. Потерял кучу денег – баксов 300, не меньше. :)

Хотя собес посетил один раз. Мне там резко не понравилось. Там сидят какие-то совершенно старые люди. В ужасе бежал.

Вымащиваю благими намерениями дорогу в новый год 27 декабря

Напоминает название главы древнекитайского романа.

Размышляю типа под цветущей вишней.

Решил, что мне наиболее подходит в ЖЖ жанр мемуаров.

Логично, да? Ну не писать же, почему меня не любит NN и как я от этого страдаю. Посему хочу завести еще два фейса. Под одним писать цикл «Мои встречи с ВИП (великими, известными, популярными)». Это довольно смешные встречи, потому что многие происходили в различных стадиях алкогольного опьянения. Собственно, навеяно одним комментарием к моему рассказу о Володине.

Под другим фейсом что-то типа «Записки старого ловеласа». Пора поставить маленький памятник всем особам, которых я любил. Да и пересчитать их, в конце-то концов. Проект рискованный.

Но есть еще один проект, строго секретный.

Посему сам себе выдал код и завел новый ЖЖ под новым ником. Там будет просто одна история. Точнее, черновик одной вещи, создаваемой по ходу дела. Кто найдет, получит приз.:) Но я не представляю, как его можно найти, поскольку ни единого френда у этого ника нет.

Прогулка по Москве

31 декабря

Ну, конечно, Красная площадь.

Еще раз убедились, что на ней «всего круглей Земля», и сразу нырнули в ГУМ.

Там теплее.

По выходе из ГУМА нас неожиданно поджидали «Дрова», где мы и пообедали, причем мне удалось удачно разбить целую стопку мисочек для супа. Они так плавно посыпались и зазвенели. Полные «Дрова» осколков. Администрация благородно сделала вид, что ничего не произошло.

Нечего ставить мисочки такими высокими стопками!

2002

**Сегодня
3 января**

Сидим до сих пор с stepfather, который сейчас побежал за сигаретами для моей жены. Типа рыцарь и настоящий мужчина, хотя полвторого ночи.

Такие дела (с) Воннегут-Вербицкий.

Неожиданная развязка

3 января

Леник aka stepfather побежал за сигаретами, хотя я его отговаривал. Через 10 минут звонок: меня забрали в ментовку. Бегу к Павелецкому вокзалу. В магазине ничего не знают, в линейном отделении милиции тоже. Возвращаюсь, звоню по мобильному. Отвечает: типа да, в обезьяннике. Успел я тебе 300 баксов отдать? Я говорю: успел. Это он дал мне на сохранение, на всякий случай.

Ну тогда все ОК, я здесь посижу, говорит.

Я говорю: приехать за тобой? Ты где?

Не знаю, говорит Леник. Да и не отдадут. Я сейчас им буду стихи читать.

Это у него такой метод борьбы с ментами.

Героический человек.

Кровожадность

9 января

Что ж, перейдем к репрессиям.

Буду удалять из френдов барышень, которые вместо женского лица (своего или чужого – не столь важно), вешают хер знает что.

Свое лицо надо любить, иначе его никто любить не будет.

Очень большое сорри.

Исключение сделаю для некоторых лично знакомых барышень, хотя им тоже следовало бы призадуматься – у них такие вдохновенные лица!

Новая филология

10 января

maryl пишет:

«И в архивации культуры состоит наша прямая задача. Получить грант и скупать винчестеры у писателей...»

Не лучше ли купить один винчестер и перестрелять из него всех писателей?

Граждане с гражданки 13 января

Гражданин и гражданка
Жили на Гражданке.
Гражданинку звали Нинка,
Гражданина – Данька.

И что теперь с ними делать? С гражданами, имеется в виду.

Надо продолжать всем миром.

Иначе они не отстанут.

Отвязались граждане с гражданки 13 января

Гражданин и гражданка
Жили на Гражданке.
Гражданинку звали Нинка,
Гражданина – Данька.

Гражданинка ела суши,
Гражданин – кебаби.
Он ходил пешком по суше,
А она – по хляби.

Он ее любил до гроба,
А она до сплина.
Разных взглядов были оба
Этих гражданина.

Даниил был пацифистом,
Нина – комсомолкой.
Он работал программистом,
А она двустволкой.

И по вражеским гнездовьям
Тут же, на Гражданке,
Была, жертвуя здоровьем,

Из своей берданки.

Он был принцем по натуре,
А она – принцесса.
Ей бы замуж выйти, дуре,
За него, балбеса.

Но живут они, как в танке.
Данька водку квасит.
Нинку тоже на Гражданке
Плющит и колбасит.

То не ветер ветку клонит,
Не огарок тлеет.
То мое сердечко стонет,
И граждан жалеет.

При участии r_1 (2-я строфа)

Четверостишие abacadabга в сюжет не легло.

А ведь бессонницу заработал на этом размере. Вот при-
цепился.

Полку прибыло 15 января

Юзер dimkin принят сегодня в Союз писателей Санкт-Петербурга.

Не без трудностей, вызванных любовью юзера к ненормативной лексике.

Акция была предпринята в основном для того, чтобы придать юзеру хоть какой-то социальный статус. А то он у нас непрописанный и беспаспортный.

Информация к собственному размышлению 20 января

Уже 3 дня (с тех пор, как до меня это дошло) размышляю над поздравлением Саши (Самуила Ароновича) Лурье.

Оно лестное, конечно.

Саша Лурье мне ничем не обязан. За язык его никто не тянул. Критик он – один из самых умных и тонких в Питере (да и в России).

И все же меня колбасит.

*«Газета Дело № 1 (212)
от 14 января 2002*

Александра Житинского поздравляет писатель
Самуил Лурье.

Дорогой Александр Николаевич!

Я отметил надвигающийся день Вашего рождения так: перечитал ночью роман «Потерянный дом, или Разговоры с милордом» и перелистал повести «Лестница» и «Снюсь». Тут наступило утро, и стало вполне ясно, что Вы – самый сильный писатель нашего поколения, что в современной русской литературе мало кто выдержал бы сравнение с Вами.

Потому, наверное, и не сравнивают.

И еще потому, что Вы – человек и автор хотя и стремительный, но не суетливый, и совеститесь и брезгаете жить по законам стаи; ну и, по-видимому, в Вашей жизни есть такие вещи, которыми Вы дорожите больше, чем литературной шумихой.

Все это означает, во-первых, что Вы – счастливый человек, а во-вторых, – что необходимый. Берегите себя, живите долго, сочиняйте побольше!»

Я никогда не приму эпитета «сильный». Я всегда считал себя «особым». И этого вполне достаточно.

С другой стороны, свистопляска вокруг некоторых имен в современной литературе всегда меня удивляла, поскольку все, что они делали и делают, элементарно, Ватсон.

Что случилось в 1972 году? 20 января

Тут у некоторых лжеюзеров появились вопросы, почему в графике рождения дочерей (один раз в 10 лет) был пропущен 1972 год?

Отвечаю.

Моя первая жена Марина Константиновна каким-то образом усекла эту периодичность и родила в 1968 году – мальчика!

За что ей навсегда благодарен.

Иные жены не смогли уловить закономерность и продолжали поставлять мне дочек в 1982 и 92-м годах.

Старые пленки

20 января

Смотрели вчера с детьми старую домашнюю хронику, которую снимал мой отец на 8-мм пленку любительской камерой «Кварц» в 70–75 годах. Эта камера была подарена ему на 60-летие. Не так давно я перевел весь киноархив на видео, хорошо бы смонтировать и подложить звук, но руки не доходят. Посему смотрели немое кино.

Дети лжеюзера olchik очень смеялись, увидав свою маму в десятилетнем возрасте. Я был попросту анекдотичен на экране – худой, с идиотскими бачками, носатый – то ли еврей, то ли лицо кавказской национальности. Но анекдот не в национальности, а в манере двигаться.

Моя вторая жена, Елена Викторовна Маркова, специалист по пантомиме и сценическому движению, автор двух книг («Марсель Марсо» и «Современная зарубежная пантомима»), всегда утверждала, что я неправильно выбрал профессию и мне следовало бы стать клоуном. Вчера я в этом убедился. Видя себя на экране, я всегда поражаюсь, как окружающие могут относиться серьезно к этому нелепому человеку. Ведь клоун комичен именно нелепостью, прежде всего в движениях.

Впрочем, кто сказал, что ко мне относятся серьезно? Иногда делают вид.

После небольшого анализа решил, что комичность моих движений проистекает из-за несоответствия присущей им стремительности с поводом для нее. Взять банку пива, открыть ее и выпить – для этого не нужно стремительности. Я же делаю это стремительно.

После отцовских съемок пошли мои – это уже после его смерти, в конце семидесятых – начале восьмидесятых. Хронике мне было снимать неинтересно, я снял два маленьких игровых фильма с участием Елены Викторовны, ее дочери Маши 1970 г. рожд. и моего сына Сережи, которому завтра исполнится 34 года. У меня тогда была проблема – не потерять сына духовно – и каждые выходные я брал Сережку к себе в новую семью и там что-то придумывали. Благодарен за это обеим женам – и первой, и второй. :)

Первый ч/б фильм «Шпионская коробочка» – детектив, в котором я играю шпиона, Е. В. – связную, Маша – пионерку, а Серый – мента. В конце мент и пионерка благополучно арестовывают шпиона и препровождают в участок. Сюжет связан с передачей шпионской информации посредством коробочки для пленки и дупла старого дерева. Снимали на Каменном острове.

Вы заметили, что я уже начал мемуары?

О другом фильме в следующий раз.

Ольшанскому

25 января

Митя, неужто Вы не понимаете, как это глупо выглядит?

«Суровые» Высоцкий и Галич. «Слюнтяй» Окуджава.

Суровыми нитки бывают.

Может быть, когда-нибудь Вам будет стыдно за этот глупый максимализм.

Окуджава воевал. Он никогда не писал дешевых советских сценариев. Не снимался в дешевых советских фильмах. Он прожил жизнь достойно.

Ваше право любить его или нет. Но оскорблять зачем?

Ему уже все равно, а Вам еще нет. Дай Бог Вам сделать хотя бы десятую часть того, что сделал Окуджава.

Я всех названных люблю, потому что талантливые.

А ненавидеть можно соседку, плюнувшую Вам в суп. Надеюсь, Окуджава лично Вам ничего не сделал плохого?

Репетиция записи

29 января

Вчера позвонили с ОРТ и сказали, что хотят записать меня для ночного разговора Диброва с БГ. Типа свидетельства очевидца. Мемуары бывшего друга. Типа никого не осталось, кто помнит ТУ эпоху.

Думал, что же, собственно, я могу сказать о Боре. Он такой ускользящий, что даже 18 лет знакомства, из которых лет 6–7 были годами, когда мы виделись практически ежедневно, если он был в Питере, не дают мне преимущества перед другими. Он всегда ведет себя как человек, владеющий Тайной. При этом иногда ею в действительности владеет. Но не всегда, иногда очень блефует.

Недавно он снова спел на концерте «Серебро Господа». Я полагал, что ему уже никогда не удастся это спеть. Ничего, вытянул сносно. Но в 1986 году это было гораздо Божественное.

Мы все еще ритуально целуемся при встрече. Однако я ему давно уже не нужен. Впрочем, как и он мне.

Всего этого для Диброва не надо. Нужны анекдоты о великом артисте. Типа как он у меня свидетелем на свадьбе был.

Сон

1 февраля

Непритязательный, как всегда.

Останавливаюсь на Каменноостровском, почти напротив станции метро «Петроградская».

Подходит гаишник.

– Нарушаете.

– Где? – пугаюсь я.

– Вон знак, – кивает назад гаишник. – «Остановка запрещена».

– Там «Стоянка запрещена», – утверждаю я.

– Нет, остановка!

– Спорим? – неожиданно предлагаю я.

– Спорим, – неожиданно соглашается гаишник.

Он садится рядом, и я сдаю назад до столба, чтобы было видно знак.

Там висит «Стоянка запрещена».

– Ну, твоя взяла... – добродушно разводит руками гаишник и уходит.

Грустно, френды...

2 февраля

Щастья-то нет.

ЖЖ есть, а щастья нет.

И все это неизбежно надоедает.

И думаешь уже – кого вычеркнуть из френдов, чего писать, зачем писать...

С КАКОЙ ЦЕЛЬЮ писать?

Игры.

Только игры.

А между тем, время идет, мы стареем, и ничего не происходит в онлайн. Как, впрочем, и в офф.

Оттого и самоубиваются наиболее чувствительные.

Только полное и законченное одиночество плодотворно.

Но мы никак не хотим с этим смириться.

Сорри.

Фантазии старого бонвивана

2 февраля

ФСБ короче.

Под этим фейсом я намерен писать мемуары о любовно-эротическом опыте, как и обещал.

Это очень трудно, но я постараюсь писать правдиво.

Кое-что уже написано в сочинениях, так что я буду ссылаться и добавлять то, что не написано.

В детстве и юности я не занимался онанизмом.

Потом, гораздо позже, я узнал, что это исключение из правила.

Помню, мама входила в спальню, где укладывались на ночь мы с братом, и командовала: «Руки на одеяло!»

И мы послушно выкладывали руки поверх одеяла, совершенно не понимая, зачем это нужно.

Иногда по утрам я обнаруживал на простыне маленькие отвратительные сгустки непонятного происхождения. О слове «поллюции» я узнал лет через 20. А тогда я ломал голову, но спросить ни у кого не решался.

Занятия спортом, мамины приказы и общая неосведомленность в вопросах пола позволили сохранить полную девственность (а как это будет в мужском роде?) до весьма зрелого возраста.

Это привело к тому, что свой первый осознанный оргазм я испытал в 20 лет с моею первою женой, за месяц до свадьбы, и страшно испугался. До этого примерно месяц мы с нею пытались понять – как это все нужно делать, наконец нам удалось что-то куда-то поместить, и буквально через минуту меня взорвало, и вот тут я подумал, что это ненормально. То есть экспериментировать и получать от этого удовольствие было нормально, но результат потряс. Я поразмыслил и повторил эксперимент.

Результат был тот же.

Тогда я понял, что так и надо. Это нормально.

Но не перестаю этому удивляться до сих пор.

ФСБ (2)

2 февраля

Этот эпизод описан в повести «Типичный представитель» (пока в Сети нет).

К нам на дачу приехали гости. Это были друзья отца. Они привезли с собою дочь семнадцати лет. Мне в то лето еще не исполнилось пятнадцати. Дочку звали Вера. Она была уже вполне оформившейся девушкой, как я сейчас понимаю.

Не помню, чем мы занимались днем. Вероятно, Вере было скучно с малышами – мною и моим одиннадцатилетним братом. Вечером нас уложили спать в одной комнате. Вера заняла кровать брата, я спал на своей, а брат устроился на раскладушке. Между мной и Верой был стол.

Я никак не мог заснуть. В комнате было темно. Вера, не шевелясь, лежала в постели. Брат заснул сразу. Я водил языком по пересохшему нёбу. Язык тоже был сухим.

– Принеси воды, – вдруг тихо приказала Вера.

Я встал и на цыпочках направился на кухню. Дом уже спал. Подушечками пальцев я ощущал холодный крашеный пол. Я ни о чем не думал, только боялся, что проснется мама. Сердце стучало в майку. Я зачерпнул кружкой воды из ведра и пошел обратно, не слыша себя.

– Вот, – прошептал я, протянув руку в темноту.

Ее пальцы коснулись моего локтя и, спустившись по руке,

нашли кружку. След этих пальцев ослепительно вспыхнул в темноте. Она взяла кружку, а я остался стоять с протянутой рукой. Мне казалось, что рука стала бесконечной и превратилась в ее длинное прикосновение.

Так я стоял, пока холодная кружка не ткнулась мне в ногу выше колена.

– Попей, – сказала Вера.

Я опустил руку и схватил кружку за ободок. Постукивая зубами о край кружки, я глотнул воду. Что мне делать дальше – я не знал.

– Чего ты стоишь? – спросил ее голос.

Я вдруг улегся на стол животом и свесил голову к ее подушке. Рука с кружкой существовала где-то в пространстве. Другой рукой я держался за край стола.

Из темноты выплыло ее лицо. Оно коснулось моей щеки, и мягкие губы поползли по ней к моим губам. Я повернул голову, и ее губы оказались у другой моей щеки. Рука с кружкой вдруг вернулась ко мне. Я почувствовал, что она напряженно застыла в воздухе над раскладушкой брата.

– Поставь кружку, – сказала она.

Легко сказать! Я не знал, куда ее поставить. Тогда Вера снова избавила меня от кружки, поставив ее на пол. У меня появились рука, ладонь и пальцы.

Дальше были прикосновения – без слов и поцелуев. Моя свободная рука нашла ее и тихо-тихо двинулась в путь, ужасаясь происходящему. Рука думала отдельно. Я же не думал

совсем, а только касался ее лица неподвижными губами. Рука нашла пуговку на спине и удивилась. Ее пальцы путешествовали по моему затылку к шее. И мои пальцы поехали куда-то по узенькой и гладкой полоске материи. Уши горели. Одним из горячих ушей я ощущал жар ее дыхания. Моя рука пробралась к ее груди, и я почувствовал, что теряю сознание.

Тут проснулся брат и приподнялся на раскладушке.

– Ты чего на стол залез? – спросил он.

Мы с Верой отлетели друг от друга бесшумно, как тени. Я услышал, как противно скрипнуло о пол днище кружки. Кружка полетела по воздуху, и раздался глубокий спасительный звук глотка.

– Жарко... – вздохнула Вера. – Хочешь воды? – спросила она брата.

Сонный брат нехотя выпил воды. Я стал сползать по столу на животе к своей кровати и упал в нее наоборот, оказавшись ногами к подушке. Переворачиваться я не решился, а только перетянул по себе подушку к голове, перевел дух и прислонился щекой к ледяной никелированной спинке кровати. Потом я заснул.

На следующий день Вера вела себя так, будто ничего не произошло. Вообще ничего. Мне даже стало казаться, что все приснилось. Я ощущал досаду. Я был уверен, что наша ночная тайна связала нас на всю жизнь. Но напоминать об этом я не решался.

Оказалось, что близость – а это и было тогда близостью

для меня – не имеет решающего значения. Открытие меня ошеломило и продолжает ошеломлять до сих пор, правда, в сильно разбавленном виде. До сих пор я испытываю недоумение, когда обнаруживаю, что ночные страсти, прикосновения, разговоры – наутро исчезают куда-то, затихают, обесцвечиваются и во всяком случае не способны перевернуть жизнь вверх дном.

Мы с Верой пошли на пляж и купались. Потом мы укрылись в душевых кабинках, чтобы смыть соленую морскую воду. Женская и мужская кабинки разделялись деревянной перегородкой, в которой были просверлены дырки. Они не были даже замаскированы.

Я прильнул к одной из них глазом. Холодная вода падала на меня из душа. Я трясся всем телом, зубы у меня стучали. За перегородкой в тонких струйках воды стояла Вера. Плавными движениями рук она омывала тело. Не знаю, приходило ли ей в голову, что перегородка усеяна отверстиями. Во всяком случае, она вела себя совершенно спокойно и артистично.

Я же дрожал, повторяю.

В мою кабинку вошел какой-то мужик, и я отпрянул от дырки. Мужик стукнул меня кулаком по заду, ухмыльнулся и сам припал к отверстию. Я в ужасе выскочил из кабинки, едва успев натянуть трусы.

Пояснение к тексту ФСБ

2 февраля

Как уже говорилось, ФСБ-2 взят из повести «Типичный представитель», входящей в цикл «Записки младшего научного сотрудника». Эти повести и рассказы были написаны в 1968–74 годах, публиковались в «Авроре» и других журналах и альманахах, но полностью как книгу «Дитя эпохи» мне удалось издать их лишь в 1993 году.

За Петю Верлухина (так звали моего героя, от лица которого написаны все эти вещи) мне часто доставалось – в «Правде», в Литгазете, на местном питерском уровне. Помню, в 1974 году, когда только вышла из печати «Сено-солома» и в журнал «Аврора» пошли письма читателей (надо сказать, весьма лестные), случилось собрание Союза писателей (я тогда не был его членом), на котором выступила нынешний вице-премьер, а тогда первый секретарь Обкома комсомола Валентина Ивановна Матвиенко.

Мне рассказывали потом присутствующие, что половина ее выступления была посвящена «Сено-соломе». Это был жесточайший разнос с обильным цитированием. Типа где автор видел такую молодежь? Которая так героически помогает нашему сельскому хозяйству, а там у него пьет и целуется.

Главный редактор «Авроры» Владимир Торопыгин вышел из зала красный, как рак. Он-то думал по письмам чи-

тателей, что опубликовал недурную вещь. На какое-то время мне перекрыли кислород.

Так вот, повесть «Типичный представитель» возникла последней в этом цикле, когда я подумал, что неплохо было бы дать биографию моему герою. И я дал ему свою, другой у меня не было. Поэтому все эти эпизоды случились со мной, а не с Петей. Сейчас я возвращаю их себе.

Но в повести биография героя заканчивается его женитьбой. А ФСБ, надеюсь, будут продолжены дальше.

ФСБ (3)

2 февраля

Этот опыт чувственности не повлиял заметно на мою жизнь. В последующие два года ничего похожего не случилось. Были школьные увлечения, которые проносились с пугающей быстротой. Я был тщеславен. Девочки из нашего класса меня не интересовали. Но я совершенно преобразался, когда чувствовал внимание посторонних девочек.

В девятом классе я испытал любовь десятиклассницы. Ее звали Таня. Она пела эстрадные песенки на школьных вечерах, то есть была в некотором роде звездой. Я тоже был звездой, но спортивной. Мне передали, что она интересуется мною. Я испытал страшную гордость и возвысился в собственных глазах.

На очередном вечере я пригласил ее танцевать, а потом пошел провожать. Мы молчали. Возможно, что-то зарождалось в наших душах, но зародиться не успело. У подъезда ее дома стояли двое. Когда мы подошли, я узнал в них ее одноклассников. Один из них без лишних слов стукнул меня в грудь. Я покачнулся, но не ответил. Я понимал незаконность своих притязаний.

Таня молча скользнула в подъезд, оставив нас выяснять отношения. Но выяснять было нечего. Второй тоже сунул мне кулаком в грудь, однако не очень сильно. Он явно вы-

полнял формальность. Я вяло ударил его в плечо, и мы тут же разошлись.

Вот так кончилась эта любовь. Пожалуй, она была рекордно короткой.

ФСБ (4)

2 февраля

Следующей была девочка на год младше меня. Она училась в восьмом классе. Ее подружки передали мне записку – удивительно глупую и претенциозную. Я тогда этого не понимал. Мне льстило женское внимание.

Мы пошли с нею в кино. Фильм оказался хорошим. Он назывался «Дом, в котором я живу». После сеанса я шел и думал о людях, которых увидел на экране, о девушке, которая погибла, и в голове у меня вертелась простая и трогательная песенка из этого фильма.

И тут моя подружка сказала какую-то чепуху и глупо захотала. Этого оказалось достаточно, чтобы любовь, не успев вспыхнуть, снова погасла. Мне стало стыдно и досадно.

– А у меня завтра день рождения, – сказала она. – Я тебя приглашаю. Ты придешь, придешь?..

И стала заглядывать мне в глаза.

– Приду, – буркнул я.

Я подумал – ладно уж, приду, так и быть, а то получается что-то слишком ветрено с моей стороны. Я думал, что будет обычный день рождения: мальчики, девочки, танцы под радиолу... Как бы не так!

Я пришел с большой коробкой конфет и цветами. Как жених. Дома были она и ее родители. Небольшой круглый стол

был накрыт на четверых. У меня сразу упало сердце. Я почувствовал, что сравнение с женихом не слишком преувеличено.

Отец помог мне снять плащ и повесил его на вешалку. Мать смотрела на меня добрым испытующим взглядом. Он накладывал на меня великую ответственность за все, что произошло или когда-либо произойдет с ее дочерью.

Меня усадили за стол и открыли шампанское. Жуткая тоска проникла в мое сердце. Дверца мышеловки захлопнулась. Теперь я как честный человек был обязан жениться. Эта мысль предстала передо мною во всей неотвратимости. Мне стало жаль себя – слишком юного, не успевшего вкусить.

Между тем родители повели со мною светскую беседу. Я отвечал учтиво, но без душевного подъема. Я старался показаться скучным и туповатым субъектом. Это давало маленький шанс на спасение.

– Ирочка, угости Сашу печеньем, – сказала мама. – Вы знаете, Ирочка сама его пекла, – обратилась мама ко мне.

Я покорно взял печенье. С трепетом я ожидал рокового вопроса: «Когда же свадьба?» – или чего-нибудь в этом роде. Но вопрос почему-то не прозвучал. Мне удалось вырваться на улицу. Я шел домой и пел песни, с удовольствием вдыхая юный воздух свободы.

Я стал избегать Иру.

Я прятался от нее, как мог, в школе и на улице. Она записалась в мою спортивную секцию и дважды в неделю яв-

лялась на тренировки в черных широких трусах, обтягивающих ноги резинками. Эти трусы окончательно стерли остатки теплых чувств с моей стороны. Я не разговаривал с нею, словно вспомнил вдруг, что мы незнакомы.

Она поймала меня на предмет серьезного разговора после зимнего первенства города. Я занял первое место и шел домой в упоении. Брат тащил рядом мою спортивную сумку, как оруженосец.

Вдруг я услышал позади противный мелкий стук каблучков. Я сразу догадался.

Она поравнялась со мною и, придав брату легкий, но повелительный импульс в спину, сказала ему:

– Оставь нас наедине!

Брат посмотрел на меня с сочувствием, но повиновался.

Она изобразила на лице сложную гамму чувств. Я ничего не изобразил, кроме унылого ожидания. И тут она выдала классическую сцену оскорбленной и покинутой невинности. Я почувствовал себя законченным подлецом. Вместе с тем решимость никогда ни при каких условиях не жениться на ней окрепла необычайно.

Она заплакала натуральными слезами, чем только ожесточила мое сердце.

– Я никогда, никогда больше не встречу никого! – всхлипывала она. – Это останется со мной на всю жизнь.

– Встретишь... – вяло возразил я.

– Не смей так говорить! – топнула она ножкой.

С трудом удалось ее успокоить. У своего дома она утерла слезы и попыталась улыбнуться.

– Расстанемся друзьями, – сказала она вычитанные где-то слова.

Как я узнал позже, она выскочила замуж сразу после выпускных экзаменов на аттестат зрелости.

ФСБ (5)

2 февраля

Вышеперечисленные любви были исключительно целомудренны, хотя едва не привели к женитьбе. Во всяком случае, не было даже поцелуев. Это обстоятельство огорчало меня, потому что целоваться хотелось. То есть не то чтобы хотелось – просто являлось общепринятым. Отсутствие поцелуев делало любовь неполноценной.

Я твердо решил избавиться от этого недостатка и поцеловать какую-нибудь девушку.

Очень кстати явилась и девушка. Это было после девятого класса, на той же даче, где я два года назад несколько ускорил события в ночном приключении с Верой. На соседней даче отдыхала семья капитана первого ранга. Его дочка была чернявенькой, хорошенькой, пухлощечкой, с роскошной косой.

Мы качались на качелях, и она обнимала руками широкую юбку. Мы гуляли по вечерам, и наши щеки пылали. Рядом с нами всегда вертелся мой брат. Вообще во всех моих любовных начинаниях или окончаниях брат играл скромную, но постоянную роль.

Очень скоро он стал нам мешать. Во взглядах и движениях моей новой возлюбленной появилась досада. Каникулы кончались. Вскоре она должна была уезжать с семьей в свой военный городок, где была военно-морская база, а поцелуй

медлил исполнением.

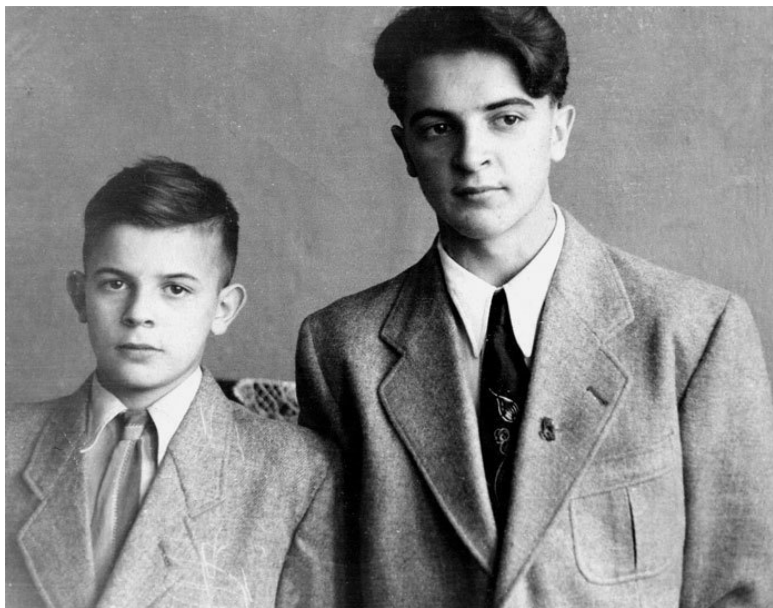
Произошло все внезапно. Однажды, в очередной раз проведив ее вечером до калитки, я увидел, что брата отвлекли поиски светляков. Он шарил в траве, выискивая и пряча в горсти крупные синеватые звездочки. Я уже отпустил возлюбленную за калитку, не выпуская, впрочем, ее руки из своей, но мгновенно оценил обстановку, притянул девушку к закрытой калитке и быстро чмокнул в щеку, на которой лежал изящный маленький завиток. Собственно, чмокнул в завиток.

Она с готовностью подставила лицо, прикрыла глаза, и мы стали целоваться уже всерьез, пока не заметили, что нам что-то мешает. Это была калитка с заостренными полосками штакетника, которая находилась между нами. Ребра штакетника весьма чувствительно упирались в грудь, а заостренные концы вонзались в подбородок. Однако открыть калитку было нельзя, ибо для этого пришлось бы хоть на миг оторваться друг от друга.

Так мы обнимались – возлюбленная, я и калитка, – пока брат не принес полную пригоршню светляков. Я одарил ими возлюбленную. Она украсила свою черную широкую косу и ушла по дорожке, мерцающая в темноте, как маленькое удаляющееся созвездие.

После этого до последнего дня каникул мы целовались каждый вечер с отчаянной добросовестностью дилетантов, которым поручили трудную профессиональную работу. Брат

был тактичен и предан. Он истребил всех светляков в поселке. В его взгляде я читал стойкое непонимание необходимости наших долгих и бессмысленных занятий.

Кстати, эта девушка (а звали ее Таня, конечно) появилась ровно через год, летом 1958 года, когда я готовился к экзаменам в ДВПИ (Дальневосточный политехнический институт). Это во Владивостоке, если кто не знает.

Какие-то суки из Министерства просвещения именно в том году отменили все льготы для медалистов, и моя золотая

медаль осталась лишь побрякушкой. Мне предстояло сдать 5 экзаменов.

Родители были на даче в Океанской, а я сидел и зубрил что-то. И тут появляется она...

Короче, мы поцеловались часов пять. Я дико устал. Самое интересное, что тогда поцелуи, даже в таком невероятном количестве, не воспринимались как прелюдия к чему-то более существенному, а были вполне самостоятельны. Правда, после таких сеансов дико болели яички. Не знаю, что болит у девушек, но, наверное, тоже что-нибудь болит.

Она ушла, пообещав назавтра прийти снова. Ко мне медленно возвращался разум. Я понял, что одно из двух: либо мы целуемся, либо я поступаю в институт. И я смалодушничал. Я позвонил своему другу, который тоже готовился к экзаменам в двух шагах, на Пушкинской улице. И через час переехал к нему вместе с учебниками.

Это позорное бегство отодвинуло мое возмужание на два года. Потому как, вспоминая эту Таню, я думаю, что мы добрались бы до существенного уже на следующий день.

Ну и что? Поступил я в институт... С другой стороны, ну расстался бы я с девственностью двумя годами раньше?

Один черт.

ФСБ-отступление

2 февраля

Думаю, у каждого есть излюбленные имена, а точнее, имена, с которыми чаще возникают отношения. Не с именами, понятно, а с их владелицами.

У меня таких имен два: Татьяна и Ирина. Если посчитать, то каждого имени набралось бы на женскую волейбольную команду вместе со скамейкой запасных. Причем в молодости преобладали Татьяны, а потом их стали теснить Ирины. Есть вполне распространенные имена, которых как-то не попадалось практически. Светлана, Люба, Настя. Я имею в виду любовные и близкие отношения.

Особняком стоят экзотические имена: Алла, Элла, Барбара, Маргарита. Но о них в свое время. Это все было коротко, ненадежно, да и ненужно.

Имя Марина забронировано за моею первой женой и женщиной. Оно свято до такой степени, что когда, много лет спустя возникла женщина с этим именем (кстати, роман с нею был практически последней каплей, разрушившей первый брак), то она была переименована в Машу. Но об этом тоже потом.

Елена – имя для жены. Хотя не только.

Вера, Надежда, Любовь – все мимо. Что символично.

А Полины, Дарьи, даже Марьи в наши времена не води-

лись. Как Антоны, Кириллы, Максимы и Иваны среди мальчиков. Их просто не было. В 1953 году в моем шестом классе в Москве было 14 Александров из 40 учеников (школа была мужская).

ФСБ (6)

3 февраля

Ну вот одна из Татьян.

Мы учились вместе в седьмом классе, причем это был первый год совместного обучения мальчиков и девочек. До этого я шесть лет провел в мужской практически бурсе. Курение, мат, низкие нравы.

А в восьмой класс я пошел уже во Владивостоке, поскольку отца туда перевели служить. Через пару месяцев получаю письмо от другой бывшей соученицы, которая извещает, что Таня очень страдает типа. И не пришлю ли я хотя бы фотку?

Это известие было в диковинку.

Я и не подозревал, что Таня страдала. У меня была первая любовь в женской школе, из параллельного класса. Ира, конечно. А Таня так, сидела на соседней парте.

Фотку я послал, мысль заронил. Кажется, даже обменялись письмами.

На следующее лето прилетел в Москву (поскольку отец был большим летным начальником, я мог летать из Владивостока в Москву на военно-транспортных самолетах, что и делал каждое лето. Путь занимал 3 дня с двумя ночевками). Пришел к Тане – и она мне сразу, что удивительно, понравилась. И я пригласил ее гулять.

Мы отправились, конечно, на ВДНХ. Кажется, тогда она

еще называлась ВСХВ – Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. И бродили там по аллеям, незаметно влюбляясь друг в друга. То есть она как бы давно это сделала, а я только что.

Захотелось есть, я повел ее в столовку, и там мы пообедали. На первое был борщ, ети его мать. Этот борщ я запомнил на всю жизнь, потому что буквально через полчаса после обеда у меня в животе стало как-то неуютно, что-то вздымалось, а потом с урчанием оседало. Борщ делал свое черное дело, он пучил мой юношеский живот, отвлекая от влюбленности. Интересно, что на Таню борщ не оказал никакого воздействия.

А я буквально останавливался, замирал и бледнел, когда очередной приступ борща вздымался в моем желудке, стремясь вырваться наружу. Девушка это заметила и с тревогой наблюдала за мною.

Казалось бы, чего проще? Надо было попросить ее подождать пять минут и зайти в туалет. Но! Тут вы будете долго смеяться. Это было НЕВОЗМОЖНО. Невозможно было сказать девушке, что нужно зайти в туалет. Невозможно было даже схитрить, уйти как бы по другим делам, потому что она могла ДОГАДАТЬСЯ, что на самом деле я пошел в туалет!

То есть обоссаться было возможно, но выйти в сортир – нет!

Это сейчас принято громко объявлять в компании: «Ой, я

пойду пописаю!» А тогда нет. Тогда это было государственной тайной.

И я терпел, скрипя зубами, обливался холодным потом, стремясь всеми силами удержать проклятый борщ внутри себя.

Не помню, как мне удалось довести ее до дома, скомкать прощание – какие поцелуи? Вы смеетесь! – и броситься куда-то стремглав, мечтая облегчиться.

Больше мы тогда не встречались. Мне было непереносимо стыдно.

А ведь жизнь могла пойти по-другому. Мог жениться со временем, если вдуматься. Я тогда был скор. Впрочем, я и сейчас скор.

Через десять или одиннадцать лет, не помню точно, Таня стала моей ВТОРОЙ женщиной. Но не женой. Об этом позже.

Короче, это была рука Провидения. Провидение иногда избирает такие анекдотические пути. В моей жизни было по крайней мере три случая, когда Провидение останавливало меня, и оно было всегда право.

ФСБ (7)

3 февраля

Одна из дальневосточных любовей была странной, почти никакой. Ни свиданий, ни поцелуев. Девушку звали Оля, и она была дочерью второго секретаря крайкома партии. Мы виделись, когда она с родителями бывала у нас в гостях – на той же даче или на городской квартире. Как я потом понял, мой отец ухаживал за Олиной мамой – красивой крупной блондинкой, преподававшей в Университете то ли английский язык, то ли марксистскую философию. Но тогда мне и в голову не могло прийти, что у людей такого преклонного возраста могут быть амурсы. А отцу еще не исполнилось 50.

Оля была высокой, стройной, с бледным цветом лица. Вообще вид у нее был немного болезненный. Моя матушка, заметив мое увлечение, стала вести незамысловатую пропаганду против Оли, намекая, что у нее туберкулез. Очень уж анемична.

Но в этой анемичности был особый шарм.

Борисов-Мусатов – вот. Оля была похожа на его картины, да и любовь наша тоже на них походила. Всё в дымке, в вуали, все немного загадочно. Мне казалось, что я ей не нравлюсь, она была «тиха, покорна, молчалива» и далее по тексту.

Однажды мы вместе летели в Москву на том же транс-

портном самолете. Это были такие марки: ЛИ-2, ИЛ-12, реже ИЛ-14. С пропеллерами. ЛИ-2 был аналогом американского «Дугласа». Внутри было пусто, по бортам тянулись низкие железные скамейки для десантников. Когда самолет разбежался по грунтовой полосе, сидеть на этих скамейках было большим удовольствием. Трясло дико.

В первый летный день самолет долетал из Владивостока до Хабаровска, заправлялся и летел дальше до Магдагачей. Есть такое местечко в Восточной Сибири, где-то между Читой и Благовещенском, кажется. Там был военный аэродром и маленькая гостиница для летчиков. Там мы ночевали, чтобы утром отправиться дальше.

Мы сидели с Олей августовской ночью в этих самых Магдагачах, смотрели на черное небо, усыпанное звездами, и нам было хорошо. По небу пролетал спутник. Я тогда впервые его увидел на небе – яркая движущаяся точка – и больше никогда не видел, кажется. И это был не простой спутник, а Первый. Шел 1958 год, я только что закончил школу и поступил в институт, а Оля ехала учиться в Москву. Мы расставались.

Потом мы встретились однажды в Москве, и между нами состоялось такое как бы объяснение – не впрямую, конечно, а как между нами водилось – по касательной. И я понял, что она ждала чего-то, но не дождалась. А я не решился. Впрочем, и это не более чем фантазия.

ФСБ (8) – отступление

3 февраля

Первый курс в ДВПИ на электромехе совпал с первыми признаками оттепели. Хотя только что предавали анафеме Пастернака, за чем я наблюдал в газетах. Как ни странно для генерала, отец выписывал «Литературную газету» и еще кучу других. Но с «большой земли» вместе с тем приходили слухи о стилягах, о радикальном изменении моды, о новых танцах, одним из которых была т. н. «трясучка» – это когда партнер и партнерша, обхватив друг друга за талию и тесно прижавшись, начинали мелко вибрировать, практически не сходя с места. За «трясучку» удаляли из залов, куда мы ходили – к себе в ДВПИ, в Декаф, как его называли (Дом Красной армии и флота, что ли? – dm_lihachev поправит, если что), – в Дом культуры моряков (на Пушкинской?) и в другие институты.

Перед танцами в обязательном порядке надевались тугие плавки, чтобы не смущать, так сказать... Тогда мне была неизвестна точная, хотя и грубая, русская поговорка «Бабу хуем не напугаешь». Я считал, что напугать можно, особенно в танце.

Мне пошили в ателье брюки шириною 16 см внизу. Это было абсолютно революционно по тем временам, учитывая, что предыдущие мои клеши были на 40 см. Еще я попро-

сил маму сшить мне модную клетчатую рубашку. Их шили из цветных клетчатых шарфов: покупали 3–4 шарфа из шотландки, распарывали их и шили такие рубашки навывпуск с разрезами по бокам. Амуницию дополняли китайские кеды.

Кеды – это был супер! Особенно черные. А если не китайские, а более цивилизованной мануфактуры, то совсем.

В таком виде я фланировал по Ленинской улице (ныне, по слухам, она снова называется Светлановской).

Учебу в институте как таковую не помню совсем. Отрывочные эпизоды типа того, как я сдавал экзамен по начертательной геометрии. Доцент Дунаев был страшным аккуратистом, на лекции притаскивал цветные мелки и чертил ими чертеж на доске – просто произведение искусства. Заметив эту слабость, я приволок на экзамен коробку цветных карандашей и выдал ими чертеж, от которого доцент чуть не задохнулся. Схватил мою зачетку и поставил «отл». Впрочем, чертеж был правильный.

Было много спорта: тренировки, соревнования, поездки по Дальневосточной зоне в составе сборной Приморского края. Среди мужчин, между прочим, не юношей. Кроме легкой атлетики, моего основного вида, – баскетбол, волейбол и футбол. Радиолобительство в полный рост – паяльник, схемы, катушки, трансформаторы. Вы знаете, что такое – намотать силовой трансформатор? Стали появляться первые транзисторы. К ним относились скептически, никто не верил, что они способны заменить радиолампы.

Впрочем, я о любви...

ФСБ (9)

3 февраля

Заключительная дальневосточная любовь была крутой и короткой. Мне удалось завладеть вниманием девушки, считавшейся одной из первых красоток Владивостока. Кроме того, она была на 3 года старше меня, ей был 21 год, училась она в Медицинском.

И звали ее Галя. С мягким украинским «г». Халя типа. Фамилия тоже украинская, но я здесь без фамилий женщин.

Чорнии брови, кари очі... Совершенно не мой тип.

Однако соображения крутизны оказались сильнее. По моим тогдашним понятиям она была вполне взрослой женщиной. За ней ухаживал сам (!) преподаватель кафедры физвоспитания Клиндухов. Ему было вообще лет 25! Статный спортсмен, тоже легкоатлет, кудрявый блондин в узких брючках и немислимо широком зеленоватом клетчатом пи-джеке.

Стиляга, одним словом.

На одном из вечеров ранней весной я пригласил ее танцевать, потом еще раз, потом как-то оказался рядом, когда вечер танцев закончился, вышли на улицу и...

Пошел провожать, короче.

Перспектива проводов девушки во Владивостоке позд-

но вечером – прямо скажем, не из приятных. Нужно иметь некоторое мужество. Галя жила на Партизанском проспекте. Это если с Ленинской свернуть на Китайскую, подняться до Парка культуры, а потом идти вдоль его ограды куда-то в сопки. Тогда там было застроено лишь фрагментарно. И ни души кругом.

Тем не менее мы пошли и дошли до подъезда и поцелуев.

Обратно я летел как на крыльях. Целоваться с такой недосяжимо взрослой женщиной! И я знал, что мало кто в этом крае мог угнаться за мною, если вдруг на меня нападут. У меня было 11,2 на стометровке. Но это если один. С девушкой не убежишь.

И далее я, преодолевая страхи, исправно провожал ее после каждого вечера, так что бедный Клиндухов позеленел, как его пиджак. И отпускал на тренировках в пространство злые шуточки. До соперничества он не опускался, этого не хватало – соперничать с сопляком-первокурсником! Но был задет.

За романом наблюдал весь владивостокский спортивный бомонд, потому что Галя тоже была спортсменкой, занималась гимнастикой. Но скорее для того, чтобы показать свою действительно замечательную фигурку. Думаю, что она тоже клюнула на то, что я был чемпионом края, ни на что больше.

Кончилось это летом, когда я покидал Владивосток навсегда. Было решено, что я перевожусь в московский вуз, потому что отец вот-вот ждал назначения в Москву. И я по-

шел к Гале прощаться. Все-таки она была довольно опытной девушкой, потому что умело манипулировала диванной подушкой, просовывая ее между нами, когда я слишком горячился. Потому как целовались на диване. Галя явно не хотела отдаваться уезжающему хер знает куда и насколько возлюбленному. А я, собственно, не знал, что нужно брать и как. В результате остались при своих, обменявшись фотографиями.

Одно письмо я от нее получил. И одно написал.

Ненастоящая это была любовь, одним словом.

Позже, как мне говорили, она вышла замуж за какого-то владивостокского бандита, он вскоре сел в тюрьму, она намаялась с ним, короче.

Вопросы 5 февраля

Вопрос, на который легко ответить.

– Вы мудака?

– Да!

Вопрос, на который трудно ответить.

– Почему вы такой мудака?

И в самом деле, почему?

Объявление 6 февраля

Питерские френды!

Может, у кого-то есть знакомые, ищущие работу. В нашем издательстве «Геликон Плюс» открываются вакансии. <...>

Коммерческий директор нового журнала, первый номер которого планируется выпустить в июне.

О журнале подробнее.

Ориентировочное название: ФАНТАСТИКА, XXI ВЕК.

Главный редактор Борис Стругацкий.

Я его заместитель.

В редколлегии согласились работать Кир Булычев, Вяч. Рыбаков, А. Измайлов, М. Успенский, Е. Лукин, А. Лазарчук, А. Щеголев, С. Переслегин и др. Гл. художник Дм. Горчев. Уже есть макет обложки.

Журнал толстый, по типу «Нового мира», «Знамени», «Звезды». В основном, отечественная фантастика в самом широком смысле этого слова – от фантастического реализма до фэнтэзи.

В этом году планируется 3 номера, в следующем – 6.

Семь бед – один ответ

13 февраля

У меня странная особенность. Когда наступает полная жопа с деньгами, а это бывало и бывает нередко, я начинаю сорить деньгами (оставшимися).

По принципу, вынесенному в заголовок.

Вот и сегодня, несмотря на вышеупомянутую жопу, я решил выяснить, так ли отличается французский сыр с плесенью по 640 руб. за кг от немецкого по 380, который я пробовал на прошлой неделе.

Взял аж 200 г.

Отличается, да. Весьма заметно.

Но моего воображения не хватает, чтобы оценить вкус настоящего «рокфора», который здесь стоит 2100 руб. за кг. Я его никогда не пробовал и боюсь...

Самотек

13 февраля

Потек, да.

Обнародован адрес журнала «Полдень»,¹ и туда уже сыплются тексты.

Складываю (складирую, точнее) их в специальную папку.

Ты этого хотел, Жорж Данден.

¹ «Полдень, XXI век» – вместо «Фантастика, XXI век».

ФСБ (10)

14 февраля

Самая долгая, самая романтическая любовь в моей жизни началась после 8-го класса во Владивостоке.

Мы учились в одном классе.

Девочку звали Валентина.

Валька.

Я узнал, что ей нравлюсь. Узнал самым примитивным образом, прочитав случайно ее дневник летом где-то на станции Лазо, в совхозе, где мы всем классом были на сельхоз-работах.

Конечно, это меня потрясло. И мы стали дружить.

Потом я ее предал. Тоже весьма примитивно. Пригласил на новогодний вечер, а там вдруг стал танцевать с другой девочкой. И Валька перестала со мною разговаривать.

Только через полгода мы как-то с нею начали мириться, и тут она уехала на другой конец страны, потому что ее отец тоже был военным и его перевели служить в Калининград. Было это осенью 1957 года.

Я написал ей два или три письма и очень скоро забыл, как мне казалось.

Она отомстила мне через восемь лет.

Ей посвящено множество стихов, а вся история описана в повести «Вчера, сегодня, позавчера», которую сегодня по

моей просьбе dimkin выложил в Сеть. Там все правда, за исключением одного эпизода, который я придумал.

Конец этой истории приходится на 1975 год. В повести его нет.

Закончилась история так.

После нашей встречи в Москве, в феврале 1974 года, когда мы оба были уже вполне взрослыми людьми, брать таймаут еще на 8 лет было как-то слишком уж романтично.

Через неделю Валька приехала в Питер.

Мне решительно негде было с нею встречаться. Выручил мой друг Геннадий Иванович Алексеев, поэт и художник, Царство ему небесное, который дал ключ от своей мастерской.

И вот там, в этой неустроенной мансарде (это была коллективная мастерская на троих, у каждого художника было по комнате), мы и остались наедине, впервые за 16 лет.

И там это как-то, сумбурно и неустроенно, произошло.

Пытаюсь вспомнить – и не могу.

Через день она уехала.

А я принялся писать ей письмо – то самое, которое через год с небольшим стало частью повести, написанной от лица героя, курсивом. Тогда я писал это как письмо, но... какие-то чисто литературные устремления и красоты уже присутствовали. И еще одним махом написал «Февральскую поэму», где все было про то же, но стихами.

И уже в апреле повез это все в Калининград, каким-то

немыслимым образом объяснив эту поездку жене. Ну что мне было делать в Калининграде? Я тогда работал уже не в Политехе, а в лаборатории НОТиУ одной проектной архитектурной конторы. Внедрял АСУ. Работа была совсем не пыльной.

В Калининграде снял номер гостиницы. Двойной, одно-местных там просто не было. Оплатил оба места. («Вы же не станете женщин водить?» – как бы в шутку спросила администратор. «Здрасьте! А зачем я тогда двойной номер беру?» – как бы в шутку ответил я.)

И Валька ко мне пришла читать тексты.

Интересно, что ее муж как раз тогда был дома. Вообще-то он был моряком и отсутствовал в плаваниях по несколько месяцев, но тогда был дома. Я спросил: «А как ты сумела?» Но она меня в свою семейную жизнь не допускала.

И вот мы, значит, читали тексты и разговаривали, а про любовь опять не помню.

Плотская любовь никак не хотела внедряться.

Я уехал и в поезде сочинял стихи. Назывались они «На могиле Канта». Мы и вправду туда ходили.

Концовка там такая:

Любимая! Какой философ
Поможет этакой беде?
Неразрешимей нет вопросов.
Мы в «никогда» с тобой. В «нигде».
Мы вычеркнуты из объема,

Из времени исключены,
У нас нет крова, нету дома,
И до тебя – как до Луны.

Для нас короткое свиданье —
Провал во времени, когда
Бессмертное существованье
Нам тайно дарят поезда.
А философскую систему
Любви – постиг ли кто? открыл?
Что скажет нам на эту тему
Философ Кант Иммануил?

Потом была встреча в Москве, куда Валька приехала, чтобы представлять на Центральном ТВ работы калининградских самодеятельных художников, которыми она занималась там в Доме художественной самодеятельности. И я примчался в Москву. Помню, что мне удалось проникнуть в Останкино, и я наблюдал, как ее снимают. Она показывала ювелирные изделия из янтаря. У нее с собою был чемодан этих изделий. Сейчас к этому чемодану приставили бы взвод охраны. А тогда мы таскали его с собою по Москве.

И опять проблема пристанища. В московскую гостиницу не рискнули – не пустят. Тогда я отыскал телефон своего школьного приятеля Сашки Величанского (мы с ним учились в одном классе со 2-го по 6-й), и он, несколько удивившись, нас принял. Он известен как автор текста песни

«Под музыку Вивальди» Никитиных. Пили, вспоминали, потом нас уложили спать. Чуть ли не на раскладушке в кухне. Но опять – не помню точно.

И снова провозжания, прощания, поцелуи, перроны.

А в конце мая она снова приехала в Питер. Было уже тепло. Ключ от литфондовской дачи в Комарове дал Глеб Сергеевич Семенов, тоже давно уже покойный, замечательный человек и поэт. К нему в ЛИТО я ходил в начале семидесятых.

Отдельно можно рассказывать о том, как я похищал простыню из семейного платяного шкафа. И о конспиративной застройке всего этого мероприятия. Короче, мы там оказались и прожили два дня.

Что я помню?

Помню, как Валька, смеясь, едет на велосипеде по тропинке леса, пронизанного весенним солнцем. Где мы раздобыли этот велосипед? Помню, как она ночью влезает в окно по приставной лестнице. Помню, как мы уничтожаем простыню.

А постели опять не помню.

Она нам оказалась не нужна и не важна.

Хотя все было, конечно. Но... это было почему-то неинтересно. И весь мой пыл, вся влюбленность пропадали, когда мы ложились в постель и начиналось КАК ОБЫЧНО. Как с любой другой женщиной. А их у меня к тому времени уже поднакопилось.

На самом деле было хуже, чем с любой. Мне ни разу не удалось возбудить ее по-настоящему. Хотя я старался. Я стал немного нервничать. Я стал думать о технике.

Когда танцуешь, нельзя думать о технике танца. Надо его переживать. Тогда все получится.

Оказалось, что чисто физически мы друг другу мало подходим.

И это после 16 лет любви и горы стихов и писем.

Больше мы с нею не пробовали заниматься НАСТОЯЩЕЙ любовью.

Письма продолжались, но стихов больше не было. Потом письма стали исчезать, уступая место телефонным звонкам, а они становились реже. Мы все чаще заводили разговоры о детях. Ее сын через несколько лет приехал в Ленинград учиться, я там чем-то помогал. И она приезжала к нему, я встречал ее, мы куда-то ходили. Но по молчаливому уговору уже больше не пытались тянуть роман.

А тогда, через год, летом 1975 года, я впервые посмотрел на текст моего длинного письма как на прозу. И понял, что там не хватает третьего участника этой многолетней истории. Моей жены. И я написал ее часть. Мне кажется, она много сильнее.

И вот убей меня Бог – я не помню, как на этот текст реагировала Марина. Она ведь его читала. Вскоре вышла книжка стихов – и там было про Канта. Потом книжка прозы – и там была эта повесть. При том что наши встречи с Валькой

как бы были законспирированы.

Она говорила, что видит себя иначе. Но каких-то разборок у нас не было. Они начались через несколько лет, когда она наконец встретила человека, с которым живет по сей день уже 20 с лишним лет. Но разборки уже в другую сторону.

Впрочем, мы и сейчас дружим и подолгу обсуждаем по телефону дела наших взрослых детей.

А о Вальке последние несколько лет я ничего не знаю.

Почему я не люблю фэнтези?

16 февраля

Это я себя спрашиваю.

Никогда не мог читать ни Толкина, ни кого другого. И фильмы смотреть тоже.

При этом мог с интересом читать всякую фантастику, где действуют да хоть роботы, или покемоны всякие, или зверушки.

Хотя если там среда обитания полностью вымышлена, то тоже скучновато. Типа в другой Галактике.

Наверное, дело в среде обитания, а не в персонажах?

Еще раз о мыльных пузырях

16 февраля

nasha_sasha в своем любопытном размышлении о мыльных пузырях и талантах не определяет, что такое талант. Как бы это ясно по умолчанию.

Для простоты будем считать, что мы говорим о художественном таланте, хотя один черт.

Можно определить талант как совокупность качеств, позволяющих человеку добиться успеха в искусстве. Причем успех этот измеряется в деньгах, или в славе, или и в деньгах, и в славе, потому как слава неизбежно со временем превращается в деньги.

Этот успех имеет единицы измерения. Они денежные. Подсчитать их легко.

Но при таком определении таланта никаких мыльных пузырей нет. Каждый пузырь стоит свою цену.

Если же определить талант как совокупность качеств, позволяющих человеку создавать художественные ценности, то мы сразу же насчитаем множество известных фигур, при славе и при деньгах, которые, по нашему мнению, художественных ценностей не создают. Они-то и являются «мыльными пузырями».

Но беда в том, что мы не можем дать четкого определения художественной ценности и тем более ее измерить. Это де-

дает только время, да и то, бывает, ошибается.

Поэтому мы обречены на свой страх и риск определять круг «мыльных пузырей» и всегда найдутся люди, у которых этот круг совсем иной. А также другие люди, которые обвинят нас в том, что мы просто завидуем чужим деньгам и славе. Потому называть кого-то так резко я бы не стал. Я не Господь Бог. Но я всегда могу четко и прямо сказать, что, например, Сергей «Африка» Бугаев, Аркадий Драгомощенко, Бреннер и Кулик, Пригов etc, на мой взгляд, не создают художественных ценностей. И их творчество не вызывает лично у меня интереса. nasha_sasha предпочитает пользоваться термином «мыльный пузырь», хотя и оговаривается, что, для того чтобы себя раздуть, тоже нужен талант (ну тот, первый).

И все же я не люблю навешивания любых ярлыков. Как «гений», так и «мыльный пузырь».

Пусть живут, всем хватит места.

Концерт БГ в Юбилейном 23 февраля

Лучший за последние несколько лет (из тех, что я видел, разумеется).

Финал просто великолепен.

Наконец понял, за что люблю БГ, даже когда его не люблю.

За его публику.

В зале несколько тысяч, а отморозков нет, шпаны нет. Прекрасные лица.

Секрет прост, оказывается

25 февраля

Я все размышлял, отчего в ЖЖ почти все так прилично, в общем, пишут? Новая генерация? Профессии располагают?

Но вот Маха и еще ряд юзериц поведали, что уже накатали не по одному коммерческому роману. Рука набита, так сказать.

Интересно, стал бы я сочинять коммерческие романы по молодости, когда быстро писал и жрать было нечего? Вообще сочинял я что угодно для заработка – сценарии для радио, тв, научпоп-кино, кино игровое... Но не прозу собственно. Тогда понятия коммерческой прозы и не было. Хотя для денег можно было писать и прозу – что-нибудь о рабочих, о производстве, чисто такое реалистическое.

Позвонил Горчев

1 марта

Приехал домой, говорит, дверь открыта, компьютера нет.
С монитором и сканером унесли.

Больше ничего ценного у Горчева не было.

И в милицию не заявишь без паспорта и регистрации. Да
и толку.

«Геликон» уже обворовывали 2 марта

Лет 5 назад ночью сорвали решетку на окне и унесли 3 компьютера и немного периферии.

Мы тогда снимали двухкомнатную квартиру в первом этаже.

Приходил дознаватель, расспрашивал, записывал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.